

ФАНТАСОФИЯ

литературный альманах

Выпуск №6

Трэш

Коллектив авторов
Эдуард Байков
Фантасофия. Выпуск 6. Трэш

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6559985

Аннотация

Шестой выпуск альманаха «Фантасофия» составлен на основе произведений малой и средней литературных форм – рассказов, повестей и новелл – писателей Республики Башкортостан, работающих в жанре «альтернативно-маргинального мейнстрима».

Содержание

Эдуард Байков	5
Эдуард Байков	10
Эдуард Байков	13
Вадим Богданов	17
Бизон Михайлов	35
Рустам Ильясов	38
Рустам Ильясов	40
Рустам Ильясов	42
Александр Каменецкий	45
Игорь Фролов	62
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Коллектив авторов

Фантасофия.

Выпуск 6. Трэш

© Э. А. Байков, 2005

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Эдуард Байков

Забава

Он поднялся, прошелся по комнате, оглянулся, любуясь плавными изгибами ее нагого тела. Тотчас ощутил, как в нем вновь нарастает желание. Эта женщина просто создана для плотских утех. Наслаждение, которое она доставляла, было несравнимо ни с чем испытанным доселе. Подруги, с которыми он раньше вступал в близость, выглядели теперь лишь жалким подобием этой нимфы, бледной тенью ее божественного совершенства.

Он вспомнил, как в первый раз увидел это чудо и тотчас был сражен наповал ее красотой, грацией, нежностью, ее покорностью, сквозившей в каждом жесте, в интонациях ее речи. Ее лучистые глаза, ласковые ладони, изящество форм, сводящий с ума голос — дни напролет он не мог думать ни о чем другом. Первая встреча, за ней следующая... Сегодня они виделись уже в пятый раз, а он совсем потерял голову, омут страсти затягивал все сильнее. И уже не вырваться, если только не собрать остаток воли и сил, чтобы положить этому предел.

Но, вот хотел ли он этого — обрубить концы, лишившись сладостного чувства распада, потери своего Я? Он растворялся в ней, целиком отдаваясь на волю охватившего его лю-

божного безумия, терял рассудок от одного присутствия этого ангела во плоти. А потеряй ее, что бы он получил взамен – щемящее чувство покинутого человека, обреченного на одиночество. Да, протрезвев, он сумел бы выпутаться из паутины страсти, сбросить с себя ее липкую сеть. Но разве сделался бы от этого счастливее? Скорее, наоборот, ведь счастье-то, оказывается, заключено в акте дарения, отдавания всего себя без остатка другому. Он это познал вот здесь, теперь, с этой женщиной. Выше этого ничего нет и быть не может. Только смерть и забвение, вечный сон холодной могилы, дезинтеграция личности, человеческий файл, стертый с виртуальной памяти безразличного космоса.

А все же, существует иное, посмертное бытие или нет? Эта мысль увлекла его, на миг он даже забыл о той, что возлежала на его кровати, застыв в призывной позе, с этой загадочной улыбкой на сахарных устах. Вернувшись обратно, в «здесь и сейчас», он пристально вгляделся в ее совершенное лицо, наткнулся на кроткий взгляд трепетной лани, проваливаясь в бездонную глубину огромных глаз. Эти блестящие карие глаза, выразительный взор которых пробивался из-под бархатистых ресниц, гипнотизировали его. Он отвел взгляд в сторону и тотчас понял, что должен сделать ЭТО. Потому что ЭТО станет вершиной его самоотверженной любви, пиком всепоглощающей страсти.

Пожирая глазами все пятьдесят килограммов ста семидесятисантиметровой, без малейших изъянов, лакомой плоти,

он медленно двинулся к ней, дрожа от предчувствия близости. Как он был ласков, как нежен, как ненасытен, зная, что это – в последний раз. И, когда она застыла, напряженно изогнувшись, раскрыв рот в немом крике, он оторвался от нее и, почти ничего не соображая, словно в каком-то тумане добрался до сейфа, рывком распахнув дверцу, нащупал внутри то, о чем беспрестанно думал во время соития.

Вернувшись к ней, успел заметить застывшую на искушенных губах улыбку удовлетворенной самки и в следующее мгновение вонзил клинок в податливую плоть.

Она даже не успела вскрикнуть, лишь захрипела, несколько раз дернувшись под его ударами, которые он остервенело продолжал наносить. Глаза его застила кровавая пелена, он перестал осознавать, что делает, отключившись на время от происходящего. Когда очнулся, окинул бессмысленным взглядом кровавое месиво перед собой. Постепенно до него доходил смысл содеянного. Красоты больше не было, лишь кусок искромсанной плоти. Оглядевшись, он везде наткался на забрызганные кровью стены и предметы обстановки. Тупо уставился на свои руки, густо покрытые красным и липким.

Он поднялся, пошатнувшись, сделал пару шагов, в следующее мгновение его вырвало. Он вспомнил, что у него в запасе оставалось несколько минут, после того, как сигнал о потухшей жизнедеятельности поступил в Центральную диспетчерскую Департамента биологических жизней. Если он в

течение этого срока сам не сообщит о факте убийства, его ждет серьезное наказание.

Да и черт с ними! Теперь ему плевать на все их порядки, он сделал ЭТО, перешагнул через себя, и это было сродни экстазу, какому-то откровению. И все же, как быть с проблемой смерти? Или бессмертия?.. При все современной технике, при всем могуществе и мудрости человечества двадцать второго века, никто из живших ранее и ныне живущих так и не осветил в полной мере этот каверзный вопрос: а, что там, за порогом жизни?

Внезапно засветился плазмоколлоидный экран, на котором возникла знакомая ему фигура диспетчера из их урбосектора.

– Сэр, вы обвиняетесь в порче и уничтожении киборга, модель «Зэт-два-Сайборг», женского типа, стоимостью двести условных денег. Ввиду того, что вы не сообщили о факте незаконного уничтожения, на вас налагается штраф в размере одна тысяча условных денег. Указанная сумма будет немедленно снята с вашего виртуального счета в Кибернете. Вы осознаете содеянное, вашу вину перед урбосообществом нашего Сектора и общим законодательством планеты Земля?

– Да, – кивнул он безразлично.

– В таком случае, я прошу вашего позволения войти в квартиру и осмотреть место происшествия.

– Извольте, – он вяло махнул рукой.

Тотчас в комнате появился голографический двойник диспетчера. Она внимательно осмотрела всю комнату, не упустив ни одной детали, а он продолжал сидеть на полу в луже собственной блевотины, голый и окровавленный, безучастный ко всему на свете. Лихорадочное возбуждение, в котором он пребывал последние полчаса, сменила душевная апатия. Вскоре диспетчер исчезла, сообщив, что команда уборки прибудет немедленно.

Его мозг сверлила одна неотступная мысль, захватившая целиком воображение. А, что, если диспетчер тоже не человек, а киборг? И вообще может все они там, те, что с экрана, одни лишь киборги? Может всеми людьми, уже давно управляют кибернетические организмы, биороботы? А может... Горячая волна накрыла его, захлестнула целиком, обжигая ужасом откровения. Может, все еще хуже – не люди, и не роботы-андроиды, а виртуальные образы взяли власть в свои руки? Существа, населяющие Кибернет, без которого уже немислимо само существование людей, как граждан постинформационного общества XXII века.

– Мы прибыли, сэр.

Голос робота-бригадира прибывшей команды уборки, раздавшийся с экрана, заставил его вздрогнуть. От испуга сердце бешено заколотилось. Взяв себя в руки, он тяжело поднялся, произнес хриплым, незнакомым ему голосом:

– Приступайте.

Январь 2003 г.

Эдуард Байков

Патология

Молодой мужчина был облачен по-старомодному, в одежду столетней давности: черный костюм, белая сорочка, темно-синий галстук, на ногах – черные кожаные штиблеты. Загорелый, с аккуратной стрижкой.

Его провели в дальнее помещение одного из секторов Корпорации запрещенных удовольствий. Усадили в кресло в ожидании представления. По ходу клиент вспомнил, что большинство запретов давно снято, просто все привыкли, и название осталось, да и пикантности добавляло определенной: «Вкусы запретные наслаждения!»

Стена напротив исчезла на глазах, растворившись в воздухе, и взору зрителя предстала обширная зала с белоснежными стенами, таким же полом и потолком. В комнате находилась полуобнаженная красотка, затянута в черную кожу. Грудь обнажена, ноги в сетчатых чулках и кожаных сапожках. На руках – перчатки из наждачной материи, абразивной поверхностью наружу. Красотка как две капли воды была похожа на кинодиву прошлых лет – Шэрон Стоун. Клиент был фанатом ретро-фильмов.

В нескольких шагах от «Стоун» высилась ширма, в которой на уровне гениталий зияло отверстие. Зритель краем

глаза заметил, как с обратной стороны к ширме подвели обнаженного мужчину с эрегированным детородным органом. Тот просунул набухший член в отверстие, и красotka в коже сноровисто принялась за работу. Перчатки скользили вдоль пениса жертвы. Вскоре из многочисленных мелких порезов и ранок засочилась кровь. Мужчина за ширмой хрипел от боли и наслаждения. Стоны перешли в крики, но мучительница лишь убыстрила движения. Кровь лилась ручьем.

Вскоре мужчину увели, и на его место заступил другой. Зритель обливался потом, тяжело дышал, правое веко подергивалось. Стоун сменила тактику – стянула перчатки и взяла в руки спицу. Подошла и воткнула длинное острое в уретру очередной жертвы. За ширмой раздался вопль, перешедший в протяжный стон. Клиент почувствовал, что у него произошла эякуляция.

Между тем красotka Стоун орудовала спицей. Вокруг все было забрызгано кровью. Зрителю стало дурно и он кинулся в соседнее помещение с ванной, где долго блевал. Когда он вернулся, сеанс закончился, бедолагу-извращенца унесли. Клиент знал, что обоим придуркам восстановят все поврежденные ткани с помощью пластотехнологии.

Тут в комнату вбежал мясистый нахальный тип – хозяин Стоун и этого балагана. Он принялся отчитывать красотку за то, что та якобы жалела клиентов, мало их мучила. Молодому мужчине в заблеванном костюме-тройке, с промокшими от спермы трусами стало противно, и он покинул зри-

тельское место, заботливо поддерживаемый вышколенными провожатыми. Той суммы, что отвалил за просмотр, ему было не жалко – сеанс того стоил.

– Приходите еще, всегда вам рады, – напоследок расплылся в улыбке служащий-киборг.

Мужчина лишь неопределенно махнул рукой и, пошатываясь, побрел прочь. Противоречивые чувства обуревали его...

Декабрь 2004 г.

Эдуард Байков

Вариации на тему стиля

– Черта с два читающей публике нужны все эти экивоки, метафоры и разные там аллюзии! – вскричал писатель, восседавший верхом на стуле. Руки его покоились на спинке.

Утопающий в глубоком кресле собеседник лишь ухмыльнулся в ответ. Затем покачал головой и отвечал:

– Что ж, можно писать без двусмысленностей, просто и динамично. Например: «Он вошел в комнату, полную народа, громко пукнул и как ни в чем не бывало вышел».

– Весьма лаконично, – одобрительно отозвался Первый.

Тут проснулся сидевший за столом третий писатель, обвел приятелей осоловелым взглядом и заплетающимся языком поведал:

– Каков стиль, таков и автор.

После чего уронил голову на руки и захрапел.

Второй писатель снисходительно усмехнулся и продолжил:

– А можно написать и так: «Раскрылись ворота адовы и выпустили рассерженного шмеля. Он злобным Азраилом с мстительным взором влетел в светелку... Раскаты грома невыносимым грохотом потрясли пространство. Газовая атака на Ипре – запасайтесь противогазами!.. О, кроткие фа-

раоны речных долин! Разве ведом вам, познавшим вонь гуртового скота, столь яростные волны вселенского смрада?! Мучитель невозмутимо прогудел и вылетел вон. В запотевших окнах заалела огненно-рыжая Аврора. В воздухе бесчисленными вонючими мотыльками запорхали невидимые клубы испущенного газа...». А, каково?..

– Недурственно, но... – пожал плечами Первый и закончил свою мысль – ...непонятно для большинства. Ибо публика как была душой, так ею и осталась, а наш читатель, в основном – быдловчанин, прости меня, Господи!..

– Это вы зря, коллега, – поморщился Второй.

Снова ожил Третий и просипел:

– Каков стиль – таков и автор...

– Но вот, послушайте, – Второй вдохновенно возвестил очи горе, – можно ведь еще и вот как: «Веселье было в полном разгаре, когда двери, ведущие в апартаменты, распахнулись, и в просторную залу стремительным шагом вошел господин в черном фраке, с тросточкой в правой руке и моноклем в левом глазу. Общество на мгновение замерло, десятки пар глаз с любопытством уставились на вновь прибывшего незнакомца, затем гул голосов и звук, извлекаемый из приглушившегося в углу рояля, возобновились. Между тем господин, ни мало не смущаясь, прошествовал на середину залы и приподняв фалды сюртука, выпустил газы. Раздавшийся звук был столь громким и резким, что некоторые из дам упали в обморок, а сидевший за роялем офицер вскочил, рывком вы-

хватил из портупеи пистолет и, укрывшись за шкапом, приготовился отстреливаться. Наступила немая сцена... Наглец же, ничтоже сумнящся в своем праве на столь дикую выходку, хмыкнул и размеренным шагом направился к выходу. Едва закрылась за ним дверь, все бросились к окнам – скорее распахнуть оные, дабы избавиться от удушающей и гнетущей атмосферы, кою нагнал хамоватый господин N. Дамы принялись за визг, мужчины чертыхались, а офицер, уразумев суть произошедшего, стал размахивать пистолетом, грозясь подстрелить „этого анфан террибля“. Шум мало-помалу стихал, улетучиваясь из комнаты совместно с вонью. Но настроение у всех было вконец испорчено. Вскоре гости стали потихоньку разъезжаться...».

– Н-да, – глубокомысленно изрек Первый, – это годится разве что для той самой публики-дуры из времен Чехова, а то и Пушкина, но никак не...

– Каков стиль, таков и автор! – прерывая товарища на полуслове, почему-то злобно вскричал очнувшийся на мгновение Третий и вновь впал в пьяное забытие.

Больше в тот вечер они не спорили. Вместо этого отдали должное зеленому змию. А вскоре, неделю спустя в одном толстом литературном журнале вышла повесть в авторстве Третьего. И между прочим, там имелся такой эпизод: «В дверь Колонного зала, где проходило заседание Президиума Верховного Совета СССР, бесцеремонно протиснулся Крокодил Гена и, смачно шлепая по мраморным плитам с пар-

кетными вкраплениями в середине, прошел к трибуне, поклонился и шумно пернул. Затем с довольным видом осклабился, разинув огромную клыкастую пасть, раскатисто рыгнул и со смехом выбежал обратно.

– Кто приказал?! – багровея, воскликнул Леонид Ильич.

– Это вы, батенька у Виссарионыча спросите, – хихикнул Владимир Ильич.

– Поймать стервеца и засунуть ему в гудок этот, как его – консенсус, – витийственно и самодовольно заявил Миша Меченый.

– Ша, потатчики! – цыкнул на них суровый Вождь, коего все кликали Лучшим Другом Авиации. – Гена – наша корова и мы ее доим.

Тем временем оперативники КГБ пылесосами и вакуумными установками откачали крокодилий смрад из зала заседаний, и собрание благородных мужей продолжилось».

Сентябрь 2004 г.

Вадим Богданов

Греарнах

Греарнах Большой Воин примет смерть от безногого ка-
леки – это знают все. Так было предсказано – так оно и бу-
дет. Позор вождю умирать от руки слабосильного – а что де-
лать...

– Наташа! Ну, скоро ты? Мы с Лялькой готовы.

– Пап, а бананы купим? – Лялька подпрыгивает, теребит
за руку. меховые пампошки на ее шапке смешно болтают-
ся. – Ну, купим, а?

– Купим.

– Ура-ура-ура! – Лялька скачет, прямо вытанцовывает у
двери от нетерпения. – Мама, мама, а мы бананы купим!

– Бананы?! Ух, какие хитрые! Сначала картошку! – нако-
нец-то появляется Наташа. Красивая – ужас! Как Снежная
королева – в серебристой песцовой шубке, в изящных сапож-
ках, высокая, стройная. Чудо, как хороша!

Шепотом:

– Я люблю тебя.

– И я тебя.

Лялька прыгает на одной ножке.

– А мы картошку не любим! Правда, пап? Я картошку

не люблю! Я картошку не люблю – лучше семечек куплю! –
Лялька, распевая во все горло, спускается по лестнице.

– Наташа!

– Что?..

Почти ничего, всего лишь поцелуй. Я люблю тебя.

– Кто там?

– Это я – Белка.

– Проходи. – Дверь быстро раскрывается и так же быстро захлопывается. Так, Белка здесь, остается дожидаться Рубика. Белка прижимает к груди большой сверток, что-то завернутое в ватное одеяло. – Нашла ребенка?

– Как видишь. – Белка качнула своим ватыным тюком. – У сестры взяла, погулять... А может лучше без маленького, мало ли что...

– Нет. Охранник при входе на рынок может заглянуть в коляску. Сейчас с этим строго – Чечня... Лучше свести риск проколотся к минимуму. Где Рубик, не знаешь?

Белка укладывает ребенка на диван.

– Он звонил мне час назад из лаборатории. Он зайдет в гараж за коляской и сразу сюда.

Младенец, кажется, спит. Это хорошо, меньше шума.

– Подождем.

Рубик приходит через семь минут. Заволакивает в прихожую большую детскую коляску.

– Вот, еле успел.

– Все готово?

– Да. Вот здесь на рукоятке рычаг, как «сцепление» на мотоцикле. Отсюда к спусковому механизму идет тросик. Отожмешь рычаг и... все.

– Как целиться?

– Целиться не надо. Направишь коляску и жми. Аппарат пристрелян примерно на середину человеческого роста, в «пупочек».

– Прыгать не будет, отдачей не опрокинет?

– Не должно, все рассчитано. Пулемет зафиксирован намертво, станок, то есть коляска, укреплена. Да, лента вот здесь, на двести патронов – вставлена, гильзы будут сыпаться сюда.

– Ребенок поместиться?

– Да, как раз над коробкой с лентой.

– Хорошо. Спасибо, Рубик. Деньги возьмешь у Макса.

– Не за что... Олег был и моим другом. Отомсти им, Андрей!

– Да.

– Только... Андрей, вопрос можно?

– Конечно.

– Почему не бомба, Андрей? Ведь это безопаснее. У Сашки на кафедре можно такой фугас состряпать!

– Нет, Рубик. Бомбы это их оружие. А мы идем в открытую. И еще... я сам хочу. Чтобы смерть их видеть. Понимаешь? Видеть, как вся эта черная мразь под пулями корчится.

И смеяться. Как они... над Олегом... Понимаешь?

– Понимаю.

Белка собрала ребенка.

– Ну, пошли что ли, а то мне еще во вторую смену на лекции успеть надо.

– Ангела! Собирайся. Поедем к Максуду. Он новую точку сегодня на рынке открывает. Прикинься как надо, там все наши будут. Поняла?

– Я... Я не поеду.

– Чего?

– Я не поеду Шота. Я давно хотела тебе сказать... Я не хочу больше. Не хочу всего... этого... Поезжай один. Или возьми Луизку, ты же с ней... тоже...

Шота молча смотрел на нее. Господи, какие у него оловянные глаза! Страшные...

– Ты поедешь... Поедешь, сука. Поняла? Ты вся у меня, здесь, с потрохами, со всеми твоими брюликами и фирменными затычками. Ты моя и я тебя не отпускаю... А не хочешь по хорошему – отработаешь. Сегодня и отработаешь. У Максуда... Собирайся, дура.

Ангела тупо, как автомат двинулась в спальню. Машинально взяла со стола фигурный флакончик. Вдруг остановилась в дверях.

– Купил, значит. – Голос удивительно спокоен. – Купил, а мне теперь под нож... Сволочь! Гад!

Флакочик разбивается о стену в десяти сантиметрах от головы Шоты.

– Ты что, совсем с ума... – Шота ловит Анжелу за плечи. Она вырывается, извивается в его руках, хочет ударить. – Какой ножик? Какой?..

– Такой! Такой, гад! Ты с Луизкой, а мне на аборт, на аборт мне теперь... Сволочь!

– Аборт? Ты что, залетела? От кого?

– Залетела. От тебя, гад! Скотина! Ненавижу! Пусти, сволочь!

Анжела вырвалась. Повернулась лицом к стене, заплакала беззвучно.

Шота слегка ошалело опустил на стул:

– Точно от меня?

Анжела дернула плечом.

– От меня значит...

– А кто будет? – Шота посмотрел на Анжелу и, не дожидаясь ответа. – Сын, наверное... Сын... – Помолчал. – К маме тебя отвезу, в Москву. Там рожать будешь. – Шота помолчал еще. – Ладно, не плачь. К Максуду собирайся. Потом поговорим.

Шота подошел к ней, положил руку на подрагивающую спину.

– Ну... Ну, не надо плакать. Хорошо все... Хорошо будет. Не плачь.

– Лялька! Держи меня за руку. Не лезь туда – потеряешься. Нет, арбузов зимой не бывает... и дынь тоже. Да не прыгай ты!.. – Ну вот, накричал на ребенка. Ладно, Лялька, не обижайся, сумки уж очень тяжелые – нагрозила нас мама на полную катушку. Давай встанем здесь, подождем ее. А вот и она.

– Стоите? Фу... запыхалась. – Наташа сдувает с лица непослушную прядку волос. Перекладывает в мою сумку очередные покупки. – Постойте, мои дорогие, еще немножко, я в мясные ряды сбегая.

– Мама, я с тобой! С тобой. – Лялька уцепилась за мамину руку.

– Возьми ее, Наташа, а то эта непоседа изведется стоять на одном месте. Я вас здесь с сумками подожду. И фрукты за одно купите.

– И бананы! – подхватывает Лялька, и смотрит просительно на маму.

– Ну, хорошо, только по сторонам меня не дергать и слушаться. Договорились?

– Да! Да! – радостно вопит Лялька. Женщины мои уходят. Я остаюсь.

Я стою в открытом дворике, между павильонами. Здесь тоже полно народу, но все же меньше чем на самой рыночной площади. Рядом со мной две небритые личности мужского и женского пола торгуют мороженым луком. Я ставлю свои сумки на пустой проволочный ящик – не держать

же их на снегу. Усатая продавщица-луковщица подозрительно посмотрела на меня, но, сообразив, видимо, что я не собираюсь похищать их драгоценный ящик, простила мне эту вольность.

Я стою и наблюдаю рыночную картину. Интересно? Ну-у... по крайней мере, занимательно.

Хороший день сегодня – солнечный, морозный. Шашлычным дымком тянет. И мороженым луком. Интересно, как он умудряется гнить на морозе.

По дворику лениво прошли два милиционера. Стрельнули у бабки семечек и куда-то завернули.

Безногий инвалид, толстый и похожий на Наполеона Бонапарта, зычным раскрытым голосом завел под гармошку песню.

Дальний конец двора отведен под торговлю мехами. Поэтому здесь немного народу – за шубами нет очередей. Женщины, придерживая в хвосте мужей, ходят, смотрят, щупают. Я тоже ходил так на прошлой неделе. Вспоминаю об этом с гордостью – хорошую шубку купили Наташе. И не дорого – копили всего месяца два, и в долги почти не залезли.

К новому, только что отстроенному, стеклянному павильону, съезжаются иномарки. Из них выходят лица кавказской национальности. Лица исполнены собственного достоинства и презрения ко всему окружающему. Лиц сопровождают симпатичные женщины. Преимущественно блондинки, и преимущественно крашенные. Вот из очередного «Мерсе-

деса» вышла одна, с плюгавым кавказцем. Высокая, в распахнутой шубе до пят, волосы ярко желтые, лицо ярко накрашенное... да что я... золотые волосы и лицо красивое. Очень красивая женщина. Жаль...

Певец в инвалидной коляске тут же подхватил:

*Чего-то нет, чего-то жаль,
Чего-то сердце рвется в даль.
Я вам скажу секрет простой —
Кого люблю тот будет мо-о-о-ой...*

Что там, в этом павильоне? Какая-нибудь очередная презентация? Какое мне дело. Надо Наташу ждать.

– Белка! Не дергайся. Все нормально... Мы молодая семья, направились за покупками. Когда подойдем к павильону, возьмешь ребенка и сразу уйдешь с рынка. Поняла? Да не дергайся!

– А ты?

– За меня не бойся. Никто не сообразит, что стреляет младенческая коляска. Разнесу павильон, начнется паника. Я брошу пулемет и в толпе выберусь с рынка. Логично?

– Не знаю... не уверена. А если там будут люди?

– Какие люди? Там будут только черножопые хачики и их продажные суки. Плевать! Они знали что творили... когда Олега...

Белка отвернулась.

Вот двор между двумя корпусами. Стекланный павильон прямо напротив. А тачек-то! Не иначе вся черная мафия собралась. Суки! Ты, Белка, не бойся – я все нормально сделаю. И вернусь. Фу, жарко, в жар бросило. Фу-у...

– Белка, сходи, купи мне, пожалуйста, пива. Я подожду.

Белка пожала плечами, ушла.

А ручонки-то дрожат. Дрожат и потеют. Жарко в перчатках. Суки! Ну и морды отвратительные. Самодовольные, отъевшиеся – хозяева жизни. Поналезли к нам... А бабы – твари. Липнут к их деньгам, как мухи к дерьму. Продажные... Ох, какая блондиночка, прямо златовласка. Златовласка с черножопым хорьком. Они светленьких любят. Вон зыркает, сволочь. Сейчас, подожди, уже скоро. Не долго тебе зыркать. Где эта Белка? Жарко, пива хочется. Боюсь, что ли? Какая разница. Что должен – я сделаю. Скорее бы... Где же Белка?

Греарнах Большой Воин всегда приходил с богатой добычей – об этом знают все. Это потому что он умел выбирать на кого напасть. Даже если это ветерветры с верхов или великаны из другого мира...

Я видел, как это происходило. С первого мгновения, и до того как Худяк потащил меня в дыру. Там я потерял сознание.

Вернулись Наташа с Лялькой. Лялька ела банан. Наташа

рассказывала о чем-то, кажется, о том, как ее любит продавец мяса...

Сначала размазался угол мясного павильона. Как масло. Да, это было такое масляное пятно, или нет – мазутное, с радужным ободком, как на мазутной луже. Пятно смазало угол мясного павильона, часть двора, пару киосков... потом оно распалось на отдельные мазки, много-много мазков, много-много... И из каждого выскочил убийца.

Я часто думал потом, как их лучше назвать, копался в памяти, перебирая всяких фэнтезийных и мифологических существ: цверги, гномы, карлики? Карлы? Не знаю, сейчас не знаю. А тогда я не сомневался в названии – это были убийцы.

Я видел все четко, я рассмотрел их в мельчайших подробностях и все запомнил. Он были низкие, мне по пояс, и широкие, кряжистые, почти квадратные. Волосы жесткие, как свиная щетина, торчат – у кого ирокезским гребнем, у кого хвостом на темени. Лица грубые, долотом тесаные, свирепые, дикие лица, яростью искаженные. Бороды лопатой, усы в косицы сплетены. Одежда – железо, куски кожи дубленой, местами мех короткий, крысиный. В руках (кулак в пол моей головы) топоры голубой стали, огромные, резак широкие, мечи короткие. Щиты круглые, железом окованные, с железными шишаками. Убийцы.

Они начали убивать сразу. Как появились. Всех. Подряд. Людей рубили в мясо. Страшно было – я тогда не умел так, я испугался. Поэтому Ляльку с Наташей убили. Я не смог

защитить их. Их убил Греарнах, вождь.

Белка ходила за пивом слишком долго. Наверное, встретила кого-нибудь из знакомых и трепалась. Безалаберная она.

Младенец заплакал. Как их там баюкают? Качать, что ли надо? Эй, малыш! Ты голодный, что ли? Черт, коляска тяжелая, не покачаешь. Трясти придется.

Вот и Белка. Появилась со стороны киосков. Скорее же – еще немного и я убегу отсюда на хрен! Или палить начну во все стороны!.. Черт, террорист хренов, хватит психовать.

А дальше... Я не понял, что случилось, увидел только, как посыпались гномы... Это точно были гномы, вылитые тангары.

Они появились прямо за Белкой. Все происходило бесшумно, она не знала, что у нее за спиной. Вдруг она обернулась... Кто-то из этих рубанул ее поперек... она сломалась, кажется... пополам. Потом был вопль. Она кричала. Кричала уже мертвая. Пока не вышел весь воздух.

Тут меня будто льдом сковало – я застыл, смотрел только – тупо и неподвижно, лишь глазами ворочал, да покачивал машинально коляску с плачущим младенцем.

Гномы быстро рассыпались по двору, быстро – в считанные секунды. Смертельные карлики, карлы.

– А-а! Курные выблядки Матери Гор! – Закричал Худяк,

размахивая жезлом – через мгновение после того, как все поняли, что оказались на месте. И через мгновение, как Грearнах пролил первую кровь. – Вперед! Валите великанье племя, пока они не расчухались! А-а!

Грearнах подхватил крик.

– Во-о-о! Бей! Берите легкое железо и меха! Ходи! Ходи-бей!

Карлы врубались в толпу. Великаны не сопротивлялись, ложились под топоры. На многих были дорогие меха, их рвали прямо с порубленных тел, срезали клочьями с кровью, с мясом, совали в мешки – дома почистим.

Рынок превратился в бойню. Это был ужас, что-то дикое, невероятное, не помещающееся в черепную коробку. Кто эти звери? Откуда? Почему смерть? За что??!

Зазвенели стекла в киосках, посыпался вывороченный товар. Визжала продавщица, потом захлебнулась. Лохматый гном вскочил на прилавок со шмотками, раскрыл голову опешившей торговке. Сдернул с продавленного черепа перепачканную в мозге черно-бурую шапку-эскимоску. Карлик с хвостом на лысой башке вспорол кривым резакoм брюхо пожилому грузчику, толкавшему тележку с пустыми алюминиевыми контейнерами. Грузчик был выпивши, долго не мог понять, отчего у него лезут кишки из засаленного синего халата. Так и не понял.

Но самое страшное было не это – за гномами шли их женщины. Женщины с тесаками в руках. Они вырезали раненых

и собирали добычу. Почему-то это казалось страшнее всего.

Карлы быстро вырезали всех, кто был во дворе. Тех, кто бежал, не догоняли – добычи хватает. Вот добрались до иномарок перед стеклянным павильоном. Рубили топорами свое легкое железо.

Тут очнулась иномарочная братва – водилы, телохранители, которых оставили в машинах ждать хозяев. Затрещали редкие выстрелы. Кто-то из гномов споткнулся, упал – тут же вскочил с залитым кровью лицом, свирепый, бешенный. Из павильона выбежала охрана. Трое ребят в черной униформе с одним помповым ружьем на всех. Ружье выстрелило три раза. Потом ребят свалили.

Карлики ввалились в павильон. Один пробежал прямо сквозь стекло, разбив вдребезги низ огромного витража. Верхняя часть дрожала пару секунд и обрушилась, будто нож огромной гильотины. Нож рассек пополам толстую гномью бабу, бежавшую следом.

Греарнах бежал в нашу сторону. На ходу зарубил кого-то, отшвырнул. Наташа закричала, глаза у нее были совсем безумные. Он побежала, побежала почему-то прямо к Греарнаху. Я не остановил ее. Когда Греарнах замахнулся, я закрыл глаза. Когда открыл, над Наташей уже была квадратная бабища с ножом. Бабища отрубила Наташе руки и стала стягивать ее серебристую шубку. Руки должно быть мешали.

Возле Греарнаха оказался калека с гармошкой. Тот, будто

не замечая ничего, заканчивал свою идиотскую песню:

*Я вам скажу один секрет —
Кого люблю, того уж не-е-ет.
Я вам скажу...*

Греарнах занес топор и вдруг отшатнулся – он увидел ноги калеки, две обутые в дерево культи. Позор для вождя принимать смерть от безногого – даже если так было предсказано... Греарнах испугался. Калека остался жить.

Как убили Ляльку, я не заметил. Греарнах уже рубал продавцов мороженого лука. Ко мне бежал гном с секирой.

Андрей все стоял и смотрел.

Карл с закопченной сосредоточенной мордой тащил за ногу давешнюю золотоволосую красотку. На ней не было шубы, это видимо ее спасло, потому что красotka была еще жива. Высадив боковое стекло, из павильона выскочил ее хачик, он орал что-то по-своему резко и гортанно. В его руке прыгал пистолет. Хачик выпустил всю обойму. Четыре раза попал точно – сосредоточенный карл шатался и кривился от боли. Когда у того кончились патроны, он зарезал хачика. К блондинке подбежала гномиха с тесаком. Карл двинул ее обухом по голове, гномиха отстала.

Андрей смотрел.

Вот человек в короткой куртке и с мокрыми штанами. У него убили жену и ребенка. А он застыл столбом. К нему

подбежал кособокий коротышка с секирой. Замахнулся... И тут человек словно проснулся – отпрыгнул в сторону, подхватил проволочный ящик из-под лука. Парировал ящиком удар.

Широкое лезвие секиры застряло между прутьев, человек вывернул ящик, дернул – гном выпустил из рук топориче и остался без оружия. С разваленной луковой кучи прыгнул второй гном, с железной короной на голове. Он рубанул широко, медленно, будто даже с ленцой. Он перерубил человека ноги чуть выше колен – обе, и отвернулся, сразу забыв о нем.

Дальше было что-то невообразимое – человек поднялся. Раскидывая ошметки грязного снега, встал на свои окровавленные обрубки, и в руках у него была секира. Он оказался почти одного роста со своим врагом. И человек ударил – снизу вверх. Гном обернулся как раз, чтобы увидеть летящую сталь.

Секира снесла гному пол-лица и ткнулась в корону, выбив длинную искру. Человек взревел победно и яростно, потряс в зверином ликовании кровавой секирой. Упал лицом вниз.

Андрей долго смотрел, как тангары убивают людей. Долго, почти минуту. И, наконец, нажал рычаг. Коляска ударила назад – Андрей еле удержал ее, пришлось навалиться всем телом и до боли напрячь руки. Пулемет вдарил оглушительно громко – ребенок не замолчал, его просто не стало слышно.

Андрей не видел, куда стреляет. Перед ним был павильон, очередь прошла по нему, круша стекла. Андрей направил коляску на тангаров. Коляска билась, судорожно выплевывая смерть. Кто умирал? Андрей не знал. Он только жал скользкий от пота рычаг. Жал и все.

Дерматин обивки против пулеметного ствола сгорел, пороховой столб бил на полметра. Не приделал Рубик пламегаситель.

Карлы почувствовали на себе укусы огненных стрел, быстро определили их источник. Пригнувшись к земле и выставив перед собой щиты, к Андрею бросились трое. Прицел был рассчитан на людей. Пули пошли поверх гномьих голов. Андрей наклонил коляску. Поздно. Кто-то из гномов метнул топор на длинном кожаном ремне. Топор рассек ключицу, отбросил Андрея, рванул из раны, выдирая кости. Гномы подбежали.

Больше Андрей ни на что не смотрел – его добили в три топора.

Греарнах умер сразу, даже не удивившись. Мы с ним упали. Я не знаю кто раньше. Ко мне подбежала его баба, та, что рубила Наташе руки. Ее остановил Худяк со своими телохранителями. Бешеную бабу держали трое.

Худяк вытряс из заплечного мешка что-то вроде жидкого цемента и залепил мне ноги. Я все порывался пнуть его пяткой в лицо, но у меня не получалось, и Худяк смеялся. Мне

связали руки, засунули по пояс в мешок с лямками. Худяк взял меня на спину.

Во двор вбежали пятеро ментов с короткими калашниками наперевес. Хлестнули очередями. Пули выбивали щепки из гномьих щитов, лязгали по железу, застревали в широких могучих телах... Но гномы были уже в меховых рядах, набивали мешки. Один из ментов принялся вызывать подмогу. Да поздно уже, поздно! Ментов убили, кажется, всех.

Снова масляно засветился угол двора.

Худяк заорал:

– Кончай! Кончай свою курву еть! Домой! Тащи добычу! Белую дьяволицу живой тащи! Волоки, волоки уродицу! Тачку огненную не ломайте! наших не оставляй – дохлаков! Скорее, скорее, ублюдки гранитной расщелины! Куды щемишь, хер треснутый, бабу пусти! Айда!

Худяк закончил орать, поддернул лямки мешка и прыгнул в дыру. Последним.

Греарнах всегда возвращается домой – это знают все. Греарнах всегда приносит хорошую добычу – даже из горгоры, даже из страны великанов... Только зачем нам эта белая дьяволица с бесом во чреве, зачем обгорелый сын огненной тачки... Зачем?

Греарнах – великий воин. Обидно великому воину принимать смерть от дочери желтоволосой уродицы. Дочери, ко-

торая еще не родилась... А что делать – так будет. Так было предсказано. Это знают все, и я тоже знаю. Потому что Греарнах – это я.

Греарнах – Безногий Воин, вождь.

Бизон Михайлов

На посту

Я видел пятиметровый континуум время-пространство: длина, ширина, высота, время-туда, время-обратно. Такой вот континуум. А что дальше? Он мне снился. А потом я проснулся.

Проснулся и стою. Рубаха до пупа, штанов нет, х...й в небо смотрит. Удивительно. Смотрит прямо в полюс мира, как зенитка – как будто ждет, когда появятся «хейнкели», «юнкерсы» и «мессершмиты». Чтоб долбануть – и амба. Чтоб не ползали, бляди, по небу Родины. А холодно – п...ц. Ветер прям в рожу... Гонит пыль по мостовой и листья – дубовые, кленовые, березовые... Но я стою – надо, значит, надо.

Вдруг подходит пограничник. Фуражка зеленая, погоны тоже зеленые – младший сержант. Кокарда на фуражке дембельская – в три х. я заворочена. Подъезжает издалека:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – говорю.

– Как поживаете?

– Спасибо, не жалуюсь.

– Рад за вас... А как здоровье супруги, детишек?

– Опасений не вызывает.

– Что ж... Весьма рад, весьма.

Ага, думаю. Вот ты и подошел к главному. Подумал – и как в воду глядел! Поправил он фуражку и говорит:

– Однако ж, позвольте узнать: для чего вы здесь стоите?

– Догадаться нетрудно: стою на страже Родины.

Удивился. Опять за козырек взялся, поправил свою фуру. Потом кашлянул так деликатно и говорит:

– Вы знаете, я вас очевидно огорчу, но все же вынужден заметить, что... э-э-э... некоторым образом это я... э-э-э... н-ну, словом... то есть это я, некоторым образом, стою на страже Родины.

– Ничего удивительного. Вы стоите, и я тоже стою. Оба стоим.

– Вот как? Что ж, это, конечно, бывает... А все же, согласитесь, странно: отчего не в фортеции службу несете? Опять же штандарт где?

Бдительный, сука. Но мне-то его подколы – как два пальца обоссать:

– Фортеции еще нет, как на пост был наряжен только утром. За штандартом же посланы: прапорщик Козлов Андрей Иванович, ефрейтор Долгоруков Герман Юрьевич и рядовой Ахмедов Сеид-ага Габил-оглы. К вечерней проверке должны водрузить.

– Ах, вот как?.. Ну что ж. Так вы, значит, здесь с утра стоите?

– Так точно.

– Та-а-ак... Вот так прямо с х...м и стоите?

– Совершенно справедливо. Стоим вдвоём с моим х. ём.

– О! вы, случаем, не поэт?

– Отнюдь, товарищ младший сержант. Влиянию Евтерпы подвержен в свободное от основной деятельности время. Вообще же я коммерческий директор инвестиционной компании «Балалайкин и сын».

– А вы, позвольте полюбопытствовать, кто: сын или Балалайкин?

Достал, гнида. Чтоб ты лопнул!

– Сие оглашению не подлежит. Коммерческая тайна.

– Понимаю, понимаю... Ну что ж, рад был познакомиться. Засим не смею далее вас задерживать. Сердечный привет супруге.

– Всего наилучшего.

И пошел, горемыка. Ать-два, ать-два. Одна нога деревянная, за спиной рюкзак, а в рюкзаке арбуз, что ли? А может, и мячик от баскетбола где-то сп. дил, я-то откуда знаю – я к нему в рюкзак не лазил. Так и ушел.

Рустам Ильясов

Голос Америки

– Ты виновен в сталинских репрессиях, – сказал однажды голос в голове.

– Почему? – спросил я, вздрагивая от неожиданности. – Нет, почему это?

– Ты думаешь по-советски, – сказал голос.

Чей это был голос? Я не сразу понял – чей. Просто он появился в голове неожиданно и быстро прижился. То он слышался внутри головы как свои мысли, то снаружи как чужие голоса. Он гремел бывало со всей своей силой и пригибал меня к земле, а я шел куда глаза глядят, но голос не отставал от меня, он говорил и во сне, когда я спал в чьей-то бане или стоге сена. Голос этот был Голосом Америки. Не знаю, как они это сделали, но у них получилось, а получилось так – они сказали: «Мы сделали это».

– Слушай, ты должен быть кем надо и как надо, – говорил Голос Америки, – как нам надо. Лично ты будешь неудачником.

– А почему я? – спросил я этот треклятый голос.

– Ты, никто более тебя не подходит на роль неудачника, у тебя морда такая, никто менее тебя не способен жить в нашем свободном обществе. Ты не почувствовал свободу.

– Нет, я чувствовал свободу, – сказал я, пытаюсь прервать голос, но его не проймешь.

– Тогда ты не поймешь меня, Америку, чей голос ты слышишь, созданный психовещателями торжества свободы. Чувствуй же себя свободным, ну ты...

– Я, наверное, болею, – сказал я никому.

Потом я долго мучался. Голос Америки не отставал от меня, он все назойливее не давал жить без себя, он заполнял все свободное время и от этого считал себя свободным или свободной, а я этого, признаться, не понимал. И уже в Америке вместо демократической и республиканской партии были две партии несколько иного рода, то есть: партии моджахедов и душманов. А я все слышал этот голос, я не знаю – один я такой или нас много, но этот голос был всей моей жизнью и даже в туалете он рассказывал мне о свободе, которую он как-то так понимал по-своему.

Я плакал от него, и вся моя жизнь была заражена и зависима. И я не понимал кто, что происходило, но я уже не мог давать оценку происходящему.

– Ты будешь свободен, я верю в тебя, – говорил громом Голос Америки мне, и я зажмурился от страха глаза.

Рустам Ильясов

Заговор зубов

Рот – это тот фронт, который тоже имеет жертвы. Зубы выдергивают. Зубы теряют. В одном из ртов многочисленного человечества зубы устроили парламент. Они стали выбирать верхнюю и нижнюю палаты и решили, что верхние зубы будут верхней палатой парламента, а нижние – нижней палатой. У них была сквозная демократия и в депутаты пошли все зубы поголовно, хоть у них и не было головы.

Данный зубной парламент решил управлять челюстями, и верхней и нижней, заставляя кусать то, что вздумается этим зубам. Сперва человек – хозяин зубов решил, что у него бешенство, но потом пригорюнился, а пригорюнившись, призадумался.

– Эврика! – крикнул Хозяин. – Я понял, это заговор зубов.

Кстати, у него было несколько больных зубов, которые его мучили.

– Я вырву их, и все будет в порядке, – решил Хозяин.

А зубы скрежетали:

– Врешь, не возьмешь. За что боролись! – но потом решили, что вырвут самые плохие, а хорошие оставят.

Заговорщики не знали, что им всем рано или поздно придется покинуть засиженные места. Потому что шло гниение.

Тем более что Хозяин забывал их чистить. Верхние и нижние зубы давно поняли, что никакой они не парламент, а только зубная боль от них, но необходимость была во всем.

– Даже в нас, – говорили зубы мудрости.

Клыки говорили резцам:

– По нам можно определить происхождение видов.

– Да, видов на жизнь, – кивали резцы, – но люди сейчас редко кусаются. Но все же кости грызут.

Коренные зубы страдали больше всего, на то они и коренные. Их выдрать то трудно было, а бывало сгниет зуб, навряд ли болезненного человека, а корень после себя оставляет, и болит, и ноет потом, до мозга.

Да, дорогие ребята, пройдет время и про мозг расскажу, но сейчас закончу рассказ про зубы. Забыли уже зубы, что они парламент. Несколько их осталось. Сгнила жизнь, а потом постаревший Хозяин пошел вырывать оставшиеся, чтобы вставить вставную челюсть.

Эти оставшиеся он хранил как память в темной банке и шептал им:

– Эх вы молодость моя, жаль, что я не акула.

А на столе стояла на ночь другая банка со вставной челюстью. Эта челюсть разговаривала сама с собой как в бреду:

– Я сама естество.

Рустам Ильясов

Помогите

Однажды, когда я лежал в психиатрической больнице, мне рассказал больной человек по фамилии Бляхман, как он заболел. Он был в Германии, когда ему явились галлюциногенные ангелы. Как будто он увидел ангелов, явившихся к нему. И вот тогда-то он закричал: «Помогите!» Потом его опрашивали немцы, что такое «по-мо-ги-те».

Что же такое «помогите», спрашиваю я себя? Я ехал в автобусе, у меня болел живот, а в психике нападали голоса. Живот болел нестерпимо, нестерпимо сводили с ума голоса, меня тошнило, я ехал в автобусе в дальнем углу, и меня трясло до тошноты. Тошнота была и от голосов, и от животной боли. Я прикинул, что будет, если я крикну: помогите!

Он ехал на автобусе, и от него не отставала боль с голосами. Голоса комментировали боль, и вся она вызывала тошноту похуже чем у Жан Поля Сартра. Хотя в чем-то родственную ей. Люди казались грязью. На улице стоял грязный, еще теплый плюсовой ноябрь. Грязи было тьма, и дорога была ужасающе грязна.

Голоса комментировали его поездку. Живот болел уже второй день, понос не помогал. Это распоясались нервы, которые коверкались через голоса, отвлеченные от обычного

брёда в бред тоже обычный, но дорожный. Он отдыхал от животной боли, говоря с женщиной о том, как его довели до болезни и как много сейчас погибает в армии людей. Четыреста за полгода, не считая погибших во время боевых действий в Чечне.

Потом он уже ехал в другом автобусе вместе с теми, кто сел на остановке в Толбазах, их было много и всем им надо было ехать автостопом. Одних забирали машины, других нет, и они ждали своей очереди. Ждал своей очереди и он. Но вот их всех посадили в небольшой автобус с надписью «служебный».

Он сел со всеми в автобус и почувствовал себя очень плохо, автобус сильно трясло, его тошнило, а голоса мучили его вдвойне.

– Ну что, – бузила психика через голоса, – поехал, а ведь очень плохо тебе.

И не передать как плохо было, скажешь плохо, но не поймете, нет, не поймете. Но вот он решил попросить о помощи:

– Помогите! – взмолился он, – мне очень плохо. Психически страдаю, кто поможет?

Все молчали и, не спеша, удивленно оглядывались.

– Помогите же мне! – взмолился он пуще прежнего.

Наконец один из сидевших тоже в автобусе спросил:

– Что с вами?

– Я психически болен, мне невыносимо плохо, голоса мучают меня, и меня тошнит.

– Это от тряски вас тошнит, – сказала женщина, – меня тоже подташнивает.

– Голоса еще, и это очень плохо, – сказал психически больной человек.

– Что за голоса? – спросил еще один пассажир.

– Издевательские.

Они не знали как отреагировать. Никто ничем не мог помочь. А когда он вскрикнул: «а-ах», водитель подумал, не посадить ли его. Но вот они въехали в черту большого города. И тогда автобус остановился на городской улице. Вышел человек с сотовым, психически больного вывели, человек с сотовым позвонил и вызвал скорую.

Скорая приехала скоро, когда все пассажиры автобуса уже разошлись. Психически больной стоял одиноко у автобуса на обочине. Скорая после расспросов повезла его в психушку. Там ему очень не нравилось, ему там не нравилось и в прежний раз. Он жалел, что воскликнул: «Помогите!»

Но я не сказал: помогите! Превозмогая каждую боль, я доехал в итоге до дома. И уже дома мне стало легче.

Я никого не обвиняю этим рассказом. Никого.

Александр Каменецкий

Бродячий сюжет

– А вот так, а вот так! – завыл писатель и закружил волчком по комнате. – Как хочу, так и буду. Могу еще и «русскую» сплясать.

– Пошел ты к черту, – ответил уставший Сыроедов.

– Кто мне заделает дырку в голове, кто? – продолжал вопить писатель. – Кто забинтует мне раны на лице? Уйми меня, уйми, пожалуйста! А не то я радио твое разнесу, разобью магнитофон твой электрический и прыгну через окно, как вольный мячик, сгоряча перекувыркиваясь.

– Вот идиот, – сказал Сыроедов, заслоняя собой музыкальный центр. – Идиот пьяный, что мелет. Стоп, стоп, остановись! Сядь на место и скажи, что тебе не нравится, в конце концов.

– Что мне не нравится? – писатель прыгнул в кресло и принялся топтать его ногами. – Ах, если бы ты только знал, что мне не нравится! Мне не нравится, как растет трава, как светит солнце, как сменяют друг друга времена года. Съел?.. Еще мне не нравятся некоторые законы, например, закон тяготения или закон Кулона. Целые науки я ненавижу: физику, геометрию, природоведение, и я велел бы сжигать все книги, все до одной, – вытаскивать их из домов, из библиотек и сжи-

гать, покуда не останется один только хрупкий пепел. Хочешь еще? Я ненавижу этот мир совсем, как он есть, от мельчайшего муравья до заоблачной звезды, до небесных тел, и легионы демиургов, и Силы, и Престолы, и Херувим, и Офаним... О-го-го, если бы ты знал, как я ненавижу Его Самого! Существой нечистый, я продал бы ему душу просто так, назло, да ведь нету ни души, ни нечистого. Знаешь, в чем величайшая загадка мироздания? Знаешь?

– Нет, – признался Сыроедов, теряя терпение.

– В том, что правы материалисты, – и писатель закрыл лицо руками, как будто плакал.

Так они оба долго молчали. Потом Сыроедов сказал:

– Ты совсем пропал, это уже не шутки. С тобою с таким дело плохо. Что случилось за эти годы, почему ты так сдал? Когда-то, наверное, ты был совсем другим.

– Не помню, – всхлипнул писатель, – ничего не помню. Вроде бы, я долго болел, потом пришел в себя посреди больничной палаты, но оказывается, что пока я был болен, пришла пора умирать. Ты хоть что-нибудь понимаешь в этой жизни?

– Я считаю, Бог есть, – подумав, ответил Сыроедов. – А ты – горький пьяница. Разве можно напечатать то, что ты мне принес? Эти листочки вдоль и поперек исписаны бредом.

– Только в жару и в бреду может жить человек! – заорал в ответ писатель. – Иначе как ты объяснишь, что происходит со мной, почему я не нахожу себе места? Разве я виноват,

что у меня есть душа, пусть даже я в нее не верю? Кто сделал так, что меня трогает музыка Моцарта и Шостаковича? Из-за кого, из-за чего мне не дает покоя какой-нибудь оттенок заката, или узкая улочка, усыпанная палыми листьями, или «Охотники на снегу»? Почему мне сплошь интересно то, мимо чего другие люди проходят, не замедляя шаг? И поэтому ничто, ничто из обычных радостей и наслаждений жизни не идет ко мне в руки, и я стал хуже самого последнего...

– Не ври, что отличаешься от других, – возразил Сыроедов. – Ты просто взвинченный тип, и свою жизнь ты свел с ума. Есть простые вещи, о которых нужно думать каждый день, иначе каюк. И потом, разве не о чем писать? Ведь те люди, за счет которых существует наш журнал, разве они хотят, чтобы ты их так... макал... во все щели? Найди другую тему, возьми себя в руки, будь умнее.

– Хочешь, я напишу о том, что Гоголь видел черта? – вдруг живо спросил писатель. – Seriously. Потому и в религию ударился и уморил себя голодом. Целую книгу про черта, которую потом сжег. Совсем не второй том «Мертвых душ», как учат в школе, а книжку про черта.

– Ну, это уже ни в какие ворота, – безнадежно махнул рукой Сыроедов, – это уже совсем.

– Не веришь? – взвился писатель. – Я тебе сейчас докажу, у меня все материалы с собой, я ношу их в голове, чтобы не показывать чужим...

– Ой, хватит с меня, хватит! – перебил его Сыроедов и со-

вершенно остервенел. – Хватит с меня этого, уйди, не мучь. Уйди, выйди отсюда! Как ты стал таким? Чем я могу тебе помочь?

– Помолись за меня, – тихо ответил писатель, приблизив к Сыроедову свое лицо, не сулившее ничего хорошего, – помолись, а? Не то я однажды кого-нибудь покалечу.

Улица ревела как дикий зверь. Тысячи людей брели плачущие, неспособные, совсем потерявшие себя. Над их теплой толпой клубился разноцветный удушливый парок, состоявший из коротких неважных мыслей. Некоторые, самые слабые, забивались в черные подворотни, где вскоре пропадали навсегда; следы их забытия виднелись всюду. По проезжей части сновали редкие кошки. Писателя тотчас взяли в оборот, чтобы он не ушел далеко. Люди это или нелюди, он разобрать не мог, поскольку давно уже не делал различия, погружаясь туда, откуда все видится по-другому.

– На Запад, на Запад, – лихорадочно бормотал один, блестя очками. – Целую жизнь мечтал вырваться на Запад, наконец вырвался, и оказалось, что Запад не здесь. Вообще, Земля круглая. Идешь в сторону заката и попадаешь, в конце концов, все туда же.

– Поехали, разрушим Китайскую стену, – предложил писатель. – Для многих она тоже символ.

Другой протиснулся поближе и заговорил липким свистящим шепотом, подергиваясь от возбуждения:

– Я тебе такую хохму расскажу, до параша добежать не успеешь, уделаешься от смеха прямо здесь. Приходит один в социаламт. Говорит: дайте денег на планирование семьи. Те его послали, конечно. Мужик – в суд, настырный попался идиот. Давай судиться. И что ты думаешь? Суд постановляет: считать за норму 20 половых актов в месяц. И дают ему бабки на 20 кондомов! Ты себе представляешь? Ты можешь себе это на минуточку представить?

– Ублюдок, – сказал ему писатель, – у меня нет женщины. Тут появился третий, седой и усталый человек, со вставными социальными зубами. Он курил «Беломор», захлебываясь дымом, в его туфлях не было шнурков, как и ремня на поясе.

– Лагерь, – прохрипел этот седой, – сытый, благоустроенный лагерь. Когда-то нас хотели превратить в животных, прежде чем умертвить, – так ради Бога, умереть мы всегда успеем. Местные же тут ни при чем, просто первое, что всплывает в нас в незнакомой среде, – это лагерная психология. Так уж привыкли, так уж нас воспитала Система. Нормальное, человеческое вытраивается очень быстро, а главное – само по себе. Стоит лишь немного надавить, и все выскочит наружу, как гной из чирья. Знаешь, и ехать-то, по большому счету, бессмысленно, ведь дальше души не уедешь и дальше смерти не совершь...

– У-уу-ууу!! – страшно завыл писатель, задрав голову к небу, – у-у-уу! Рассыпьте, призраки! Разве не место вам в

аду? Разве вас можно исцелить? Что вы меня кружите, что вы меня водите? Останусь на месте и буду лежать в грязи, чтобы не даться вам, опрокинете меня, но разъять не сумеете... Что поднимаете против меня железную молотилку, куда засыплете вы свой урожай?..

Так он кричал, стоя посреди пустой улицы, и размахивал руками, словно ветряная мельница, задевая, как ему казалось, прохожих. Кошки ахали.

– Какие-то свиные рыла вместо лиц, свиные рыла вместо лиц! – горячо восклицал писатель, затем упал, прижался волосатой щекой к мокрому булыжнику и пополз прочь от кошмара.

– Во как мужика корчит, – с уважением произнес кто-то у него над ухом по-русски, затем ловкие руки бережно прошли по карманам, и писатель окончательно потерял сознание.

Когда, и где, и как он пришел в себя, неизвестно. Стояла глубокая ночь, рядом грохотала железная дорога, сыпало мелкой и противной моросью. «Разве я умер?» – с надеждой подумал писатель, но живые мысли его, наскакивая одна на другую, уже неслись чудовищным галопом: где я? что со мной? с кем мы были? – и картины одна хуже другой принялись выплывать в его пылающем уме. «Жил, как прыщ на щеке, – удрученно проворчал, созерцая эти картины, внутренний судия. – Выдавить было некому».

– Пить! – вдруг стукнуло в голове, как камнем в окошко, и виски посыпались мелкими стеклышками. – Пить хочу!

Внутри надулся пузырь и покатился кверху, плеснув на асфальт с таким звуком, как будто кого-то хлестнули по щеке. В ужасе отшатнувшись от сделанной им вонючей лужи, где копошились кусочки еды, писатель побежал вдоль по улице, отталкиваясь каблуками от равнодушной земли. На углу, сияя, как ангел, стоял автомат «Кока-Колы», залив булыжник нездешним белым полыханием.

– Ах ты, светлый! – крикнул ему писатель и ударил ногой в толстое стекло, за которым трусливо прятались холодные жестяные банки. – Ах ты, чистый!

Стекло треснуло, но не поддалось, тогда он принялся бить еще и еще, ругался, разгонялся, прыгал и снова бил до тех пор, пока из автомата не вырвалось с шипением приземистое, похожее на клубок ангорской шерсти существо неопределенного цвета, – вырвалось и стало кружить, тяжело подсакивая. «Ничего себе паранойя, – смущенно признался писатель и метнулся прочь, бурча под нос скороговоркой, – подумаешь, русский человек сходит с ума на чужой земле, эка невидаль». Существо устремилось следом прытко и весело, бежало и приговаривало: «Ich bin, du bist, er ist...».

– Грамматика построена на широко известных герметических принципах, – молвил глухой голос из-под земли. – В частности, грамматически правильно поставленный вопрос содержит в себе до девяноста процентов грамматически пра-

вильного ответа. А искусство ставить вопросы издавна считается высшим из герметических искусств.

Писатель остановился, пораженный мудростью.

– Эй! – окликнуло его существо. – Чего застрял? Беги, давай, дальше. Я мерзну без движения.

– Ну уж нет, – твердо ответил писатель. – Ничего подобного. Я спросить хочу, я сейчас спрошу.

– Пошел ты, – сказало существо, сразу уменьшившись в размерах. – Зануда. Никто из вас не любит играть, – и исчезло.

– Спрошу, спрошу, спрошу, спрошу! – все твердил, стуча зубами, писатель. – Всю жизнь хотел спросить, да не у кого было. Хотя у кого же спрашивать-то, Господи, если грамматика построена на герметических принципах, и отвечаешь себе ты сам?..

– Солидное мнение, – подтвердил глухой голос из-под земли. – А ну, обернись-ка на секунду.

Улица напоминала длинный черный и влажный тоннель, уводящий в никуда, и в конце этого тоннеля, там, у трамвайной остановки, где особенно сгущалась чернота, полыхал ослепительный огонь. Этот огонь приближался со страшным вытьем, заполняя собой трубу тоннеля, а двигался он быстрее, чем писатель успевал о нем думать.

– Wie spat ist es? – громко и членораздельно спросил он, глядя в самую сердцевину пламени и сохраняя спокойное сердце. Спросил и тотчас себе ответил. – Es ist zu spat... zu

spat... zu spat...

Затем нахлынул сплошной смертоносный мрак, которого писатель уже не видел. Полицейская машина остановилась, погасив фары, двое легко подхватили его под руки и бросили внутрь. Многочисленные голоса хохотали.

Врачей было двое, на вид – мужчина и женщина, и походили они на двух старых желчных птиц. Когда его спрашивали о чем-то, писатель делал круглые глаза и отвечал с горечью: «Это – фарш, а это – арш. Как сказано в Библии». Тогда сразу оставляли в покое. Единственное, что он понял в определении своей дальнейшей судьбы, было слово «делириум», которое точно выражает обычное состояние подвижного человеческого ума, потому писатель не волновался. Каждый раз, когда ему казалось, что наступал вечер, он пытался объяснить своему соседу по палате, молодому античного сложения нарциссу-кататонику, природу всех вещей, убеждая его никогда не менять выбранной позы, хотя кататоник уже несколько раз порывался это сделать.

Однажды, напившись перед сном горячего чая, писатель вдруг сказал:

– Знаешь, брат, как умер Гоголь? Как он ерзал на спине, лежа в гробу и тяжело дыша, и все старался разорвать ногтями нежную атласную обивку, загоняя себе в пальцы грубые древесные занозы? Как он моргал и всхлипывал, посасывая кровоточащие нарывы и осторожно пробуя отросшую щети-

ну на лице? Забывался иногда, пытаюсь встать, как обычно по утрам, и ударял лоб о крышку; шишка на лбу все росла и росла, покуда, наконец, не лопнула и не пустила корни в остывающий жидкий мозг, а оттуда потянулась к свету, произведя за много лет могучее древо русской литературы. Ах, сколько на нем побегов, отростков и ростков! Тебя никогда не тянуло, брат, подрубить это древо у самого корня?

Кататоник задумался и едва не переменял позу. Писатель привычно прикрикнул на него и продолжал:

– Все мы вышли из шишки Гоголя, и главный герой, около которого мы все пляшем, это Хома Брут. – Он очертил кататоника меловым кругом и сказал зачем-то. – Вот она, наша русская силушка...

Тотчас же следом за тем страшно загремело, загукало, и посыпалось в палату сквозь решетку сатанинское отродье, так что наутро нашли только несчастного кататоника, да и тот был не в себе.

Вода в канале стояла живая и мутная, она клубилась испарениями в холодной предрассветной мгле, с отвращением принимая отражение горбатого чугунного моста и скрюченной человеческой фигурки у перил. Это наступал последний час безумной ночи, когда над шпилями соборов еще золотятся низкие мерцающие звезды, а через три границы осторожно прочищают глотки первые петухи. Писатель вздохнул и очнулся, наконец, весь. Он вспомнил, что вначале они дол-

го спорили о чем-то с Сыроедовым, пили мандельштамовское Chablis, подозрительно дешевое и с газом, затем потянулись взять еще; взяли; Сыроедов исчез, а через несколько часов исчез и весь видимый мир, пустив вместо себя нечто трудновообразимое. Даже само время, на которое писатель и раньше не очень-то полагался, выкинуло ненормальный фортель и обежало петлю сквозь несколько лет за стенами некоей лечебницы, чтобы вернуться затем в изначальную точку и затянуться на горле человека, глядящего в темную воду. Но смерть не пришла. Сырое и твердое снова взяло верх и теперь торжествовало, подбадривая себя далекими автомобильными гудками. Оно проступало отовсюду, со всех сторон сразу, так, словно никуда и не уходило, словно существовало всегда и не знало вместо себя ничего иного. Эти утренние катастрофы хорошо знакомы всякому, кто хотя бы немного жив, но и они, эти живые, еще спали, тяжело выдыхая в своих постелях углекислоту. Сырое и твердое забирало писателя в кольцо, как на волчьей охоте, и красные флажки уже маячили отовсюду, хлопая на колючем ветру. Сырое и твердое смеялось, зная о правоте своих законов, зная о неотвратимости своих решений, зная о себе. Оно обещало все, что можно обещать, кроме свободы, поскольку свободу у него отобрала смерть. И писатель занес уже было ногу над чугунными перилами, стараясь успеть, покуда над каналом не выбросили красную тряпку, покуда не погасла последняя низкая звезда над шпилями соборов.

– Zum Beispiel, – произнес кто-то у него за спиной высоким тенорком и цепко ухватил повыше локтя. – Возьмем две одинаковые спички и подожжем их одновременно. Как вы считаете, которая раньше сгорит, левая или правая?

– Чур меня, чур! – вскрикнул писатель и рванулся через перила, но рука не пускала.

– Известно ли вам, – продолжал между тем незнакомец, – что любая жизнь есть непрерывный диалог с Создателем? Поди знай, почему нас не устраивают Его ежеминутные ответы.

– Известно, известно, – прохрипел писатель, холодея. – Оттого и лезу в воду. Пустите же!

– Смотри ты, как человек противится аду, – хихикнул незнакомец. – Однако у нас мало времени. Слазьте скорее с перил, светает.

Писатель опустил ногу и обернулся. Перед ним стоял невысокий худощавый господин в потертом старомодном сюртуке и театральном цилиндре, немного похожий на загулявшего актера, да к тому же с тонкой тросточкой, которой он игриво постукивал по булыжнику. Рукоять у тросточки была выполнена в форме песьей головы. Длинный любопытный нос, ехидные светлые глазки, аккуратная щеточка усов над верхней губой и закрывающие уши масляно-черные волосы не оставляли сомнений. К тому же, выражение лица у незнакомца было такое, как будто он что-то подсмотрел или подслушал в церкви и теперь любовно вертит на языке ис-

ключительной оригинальности анекдотец. Писатель даже на мгновение подумал, что известный постамент в его родном городе сейчас пуст, а пахло от незнакомца не серой, но почему-то медным пятакom.

– Ба-а-а! – вырвался из писателя сдавленный вопль ужаса.

– Зовите меня Николаем Васильевичем, если угодно, – доверительно представился визави и покрепче перехватил под мышкой толстую рукопись, туго стянутую бечевкой.

– Бродячий сюжет, – пролепетал, стуча зубами, писатель, – бродячий сюжет. Заслужил...

– Да-с, это вам не членский билет Союза, милостивый мой государь, – все так же подхихикивая, сказал Николай Васильевич и резво начертал в воздухе концом трости фосфоресцирующую фигуру, которая мигom пропала. – Хотя можно и членский билет, конечно. Или Букеровскую премию. Не изволите ли Букера пожелать?

– Ды-ды-ды! – ответил писатель, часто и тяжело дыша.

– Скучно, конечно, повторяться, – вздохнул Николай Васильевич, тихонько оскалившись в воротник. – Тем более, кто из нас не читал классики? Может, у вас есть какая-нибудь оригинальная идея?

– Есть, есть! – внезапно выпалил писатель и, обхватив сатану руками, принялся кричать горячим шепотом в самое его ухо. – Забери ее от меня, забери, я тебя умоляю! Ты же за нею пришел, окаянный, она тебе нужна – так бери, бери скорее, только не медли и не передумай, а взамен мне ниче-

го не надо, ей-Богу, ничего, это для меня и будет самое лучшее, лучше вечной молодости, лучше Букера, лучше всего на свете. Она у меня как гнойник, как язва, как волдырь на заднице, как какая-нибудь киста, или метастаза, или еще хуже. Она мой палач, она мучит и топчет, она бессмертна и переживет меня, и бросит червям, и останется безнаказанной. Она заставляет меня, обманывает, сулит, водит за нос, никогда не спит, у нее всегда наготове ложка дегтя. Неугомонная, прожорливая, всегда начеку, скользкая – не ухватишься, настырная, цепкая, всюду лезет, всюду сует свой нос, всего ей мало, всегда недовольна, шипит как змея и не дает покоя. Не хочу ее, не хочу, не хочу!!! Как ребенка или больного преследуют кошмары, так она гоняется за мной. Сидит на цепи, как злая собака, знает – а ничего не скажет, имеет, да не поделится. Она – чтобы давить, мешать и держать в узде. Она – хуже тебя!..

Писатель укусил себя за палец и поднес его к самому длинному носу Николая Васильевича:

– Видишь – кровь! Давай сюда свою бумагу, давай скорее, не мешкай!

Николай Васильевич холодно и в некоторой растерянности выпростался из объятий писателя, начертал тростью новую светящуюся фигуру и исчез, оставив после себя аромат теплого грибного дождя пополам с плесенью старой библиотеки. И тут же все пошло вспышками, вспышками какими-то, и через три границы отсюда прокричали, наконец, пе-

тухи.

До чего же здесь хорошо!

Пологие нежно-зеленого бархатного оттенка холмы, наскоро разбросанные по плоской равнине под высоким прозрачным небом в облачной дымке; вдалеке, у непрерывно убегающей кромки горизонта, — лесополоса, да золотистая маковка церкви, да шоссейная дорога, по которой проносятся почти невидимые редкие автомашины. Лаконичный пейзаж средних широт: ничего лишнего, как на японской гравюре, где из сгущения пустоты проступают неплотные формы, осторожно намеченные пугливыми штрихами. Здесь предмет всегда соседствует с воздухом и держится за свое место, вжимаясь боками в его неподатливое тело, а сам воздух — то напряженный и упругий, как мяч, то густой и сытный, словно бабушкин творог, свежий и дерзкий с утра и неподъемный к вечеру, допьяна упившись разнотравьем. Природа сторонится ярких красок и сильных впечатлений, как молодая невольная монахиня: убран сумасшедший кобальт, от которого раскалывается голова, и соскоблена жестокая зелень изумруда — до черных проплешин, где галки выклевывают из земли червей. Куда ни глянь, не на чем остановить зрачок; взгляд, а следом за ним мысль привыкают к беззаботному скольжению, теряясь в травах и возвращаясь из-за далеких холмов налегке.

Раньше весь мир был для тебя мгновенно чередующи-

мися кусками целлулоидной пленки, склеенными невпопад и прокрученными в темной дощатой будке исподволь, без должной цели, ради случайного заработка забредшим сюда киномехаником; теперь можно различать цвета и запахи, и прикосновения теперь исполнены большим смыслом, чем вереницы прочитанных книг. Приблизив лицо к траве, различишь несколько сот оттенков зеленого: и купорос старой бронзы, и глянцевый бок незрелого помидора, и прозрачный халцедон виноградины, и злая кромка отбитого бутылочного горлышка, и нити водорослей, и живая молния ящерицы... Эти тонкие зеленые стрелы, они одинаковы только на первый взгляд: отдай им должное, и узнаешь их тайну. Наслаиваясь на легкое усилие, терпение приходит само собой, и чем больше ты узнаешь, тем вольнее дышится в этой уютной вселенной, что раньше проносила за грязным окном электрички неузнанная, пытаясь догнать тебя протяжным криком птицы или запахом костра, который разводят рыбаки на вечерней зорьке. Этот мир словно бы промыт свежей ключевой водой, он ясен и свеж, мерцает и слепит великолепием, полный тайн и предчувствий, он – сама загадка, и он же – простота; куда ни пойдешь, там ждет тебя сокровище, которому нет цены, но приобретение не тяготит, открывая все новые двери; отовсюду раздаются голоса, объясняющие неподвластные истины, и этой игре нет конца...

Писатель отнимает свою тяжелую, увенчанную крутыми рогами голову от сочной травы, и торжествующий рев его ис-

полнен наслаждения, понимания и силы. В отличие от других, слишком занятых собой на бескрайних пастбищах подлунного мира, он хорошо знает, что ждет его совсем скоро, но принимает свою участь с гордым смирением свободного существа.

Игорь Фролов

Беса

Здесь все, что успел захватить, убегая. Несколько песчинок, обрывок нитки, камешек, отскочивший от оконного стекла... Остальное – на листе акварели. Темнота сберегла ее: небо не выцвело и листва не пожухла, – оазис по-прежнему выпирает из-за ограды, как из вазы, дразня темной зеленью нищую пустошь. За гремучими воротами – тот же маленький рай, и гостю вновь предлагают все, о чем он мечтал когда-то, палимый азиатским солнцем. Теплый, зацветающий пруд, изысканный обед в маленькой, пустой столовой, сырые тропинки сумрачного парка с такой узнаваемой травой, такими высокими деревьями, – и целый день время наигрывает *piano dolce* музыку приближения вечера...

Простите, любители света, но именно ради вечера, промаявшись столько ненужных лет, я вернулся сюда – и волнуясь сейчас: получится ли? Выполнив все подобающие ритуалы и пропуская чудный закат, капнем трясущимися руками фиолета; подождем, пока разойдется. Кажется, получилось... Смуглые сумерки сменяются свиристой ночью, гаснет одинокое окно на втором этаже пустынного замка (там гнездилась та самая, страдающая куриной слепотой семья, – привет, родные, как я соскучился!), в темных вино-

градных аллеях загораются матовые фонари, и торопливый шаг снова выводит к беседке, ступени которой лижет черная вода. Здесь охотничий скрадок. Укрывшись в нем и водя ладонью по застарелым ножевым шрамам скамьи (новых нет, значит – прибыл правильно), охотник ждет. Он вслушивается в тишину так напряженно, что становится слышен подземный гул собственной крови, а стук собственного сердца нервирует, как прыжки со скалкой под окном философа, замершего в предчувствии грандиозного открытия... (Но философу нельзя верить, – это всего лишь маневр, сбивающий со следа предполагаемых преследователей. Вот, не заметив поворота, они уже ломаются сквозь кусты к болоту ложной проблемы – то ли охоты на уток не в сезон, то ли ночных грабежей, – так и не узнав, насколько все страшней и заманчивей...)

Истина же в том, что он охотник за звуками, не более, – но это звуки купальской ночи. Слышите? – начинается... Далекий смех, узкая ладошка, убитый комар (куда он поцеловал ее, негодяй?!), – звуки приплывают по воде с другого, отодвинутого темнотой берега, бережно ловятся и уже не выбрасываются. Единственно жаль, что ухо не столь изошрено (прошу вас, цикады!), чтобы уловить шорох спадающих на траву платиц и услышать, как, сорвавшись с пальца (вот евангелие от девочки!), щелкнет по тонкому бедрышку резинка самой последней, самой нежной из одежд. Ночь ли соблазняет или ранний прагматизм предупреждает, что звезды белье

не высушат, — причины обнажения купальщиц не важны, — важна та умильность нравственного горбуна, с которой он рисует сладкий трепет юных тел, открывших тысячеглазой ночи то, что до этого видел длинношейей душ, позволивших теплым пальцам ночного воздуха коснуться своих пугливых, едва опушившихся тайн. А руки слушателя тоскуют по тяжести бинокля ночного видения, — его кошачья пара отмоет ночь до зеленой прозрачности, и две русалки, естественно-бесстыдные в своем неведении, вступят не в воду — в мои глаза...

Вот чья-то ладошка звонко шлепнула по чьей-то спине, — взвизг, смех, шумный всплеск, и сосредоточенная тишина. Обитательницы врубелевской жемчужины плывут прямо на беседку, не подозревая, какие горячие ключи бьют у ее ступеней. О, не пугайтесь, — все, на что достанет нахальства, это предложить озябшим свою рубаху (конечно, я отвернусь, но ты, божественный скульптор, сними для меня мраморную копию с двух нагих девочек, завернувшихся в мужскую рубаху), — согреваясь, они отдадут ей нектар, и безобидный парфюмер унесет его в тугом, невыдыхающемся свертке... Нет, повернули обратно, и неудачливый гостеприимец вновь напрягает жадный слух, чтобы расслышать возню на берегу, веселое блеяние, пощечину все той же подчиненной спине и визгливую мольбу: «Беса, кончай!» И все кончается. Они уходят, — ловлю последние капли смеха. Остается уже другая тишина и эта манящая кличка, так неожиданно вспых-

нувшая в ночи вальпургиевой искрой. Но я знаю, где искать ее обладательницу. Я помню – тогда был закат...

Был закат. Краснели белые стены, остывал асфальт дорожек, щелкали за углом садовые ножницы; полуобнаженный герой курил на лоджии, и дым возносился на второй этаж, где знакомая семья озидала вечереющие дали. Маленький сын семьи возился в зарослях под окнами, – его выдавали бормотание и смятое ладошкой хихиканье (раздвоение как мечта о сестренке). Словом, ничто не предвещало ничего необычного, и можно было удалиться в комнату на традиционное вечернее чтение, как вдруг... Кусты вдруг замерли, и тонкий, влажный от сдерживаемого смеха голосок звонко пропел: «Ку-ку!» Сердце вздрогнуло. В вышине захлебнулся и закашлялся супруг. Жена захлестала его по спине ладонью, завизжала: «Бесстыжая! Простигонка маленькая! Эй, держите ее!» (да что там, в самом деле, я сгораю...) Кусты затрещали. «А ну!» – робко вскрикнул садовник, взмахивая секатором, и треск шарахнулся и пошел прямо на застывшего курильщика. Он так и не успел найти и приделать подобающее лицо, когда прямо перед ним из кустов вывалилась упитанная, полная ужаса (нет, нет, только не такая!), вскрикнула, увидев его, попятилась и от толчка в спину прыгнула вперед, растопыривая руки. А из-за нее, как из-за отброшенной маски... Стоп-кадр! Искрящиеся зеленым восторгом глаза, прерывистый вздох расширяет ребрышки исцарапанные кустами плечики, – на миг застыла от неожиданности, собрав

пять веснушек в быстрой задумчивости, вдруг широко и отчаянно улыбнулась и охрипшим, умильным шепотом: «Спасите, а?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.